

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Миклашевская Августа

(1891–1977)

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Сергей Есенин

Есенин увлекся ею после возвращения из зарубежной поездки в августе 1923 года. Августа Миклашевская была известной московской актрисой, с 1915 года выступала на сцене Камерного театра.

«Она играла принцессу Брамбилу и славилась своей красотой, – вспоминала жена Анатолия Мариенгофа, актриса Анна Никритина. – Когда я поступила в Камерный театр, то спросила: «А где эта знаменитая красавица, покажите мне ее...» — «Да вот, возле вас...» Я оглянулась... Стояла рядом крупная женщина, на плечах русский платок, бледная, ничего выдающегося... Но через 20 минут я уже наслаждалась ее красотой. Большие карие глаза, прямой нос. Чудный маленький рот, ничего броского:

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

И еще:

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

Вот это точный ее портрет».

Как считал сам Мариенгоф, Миклашевская была «первой красавицей Камерного театра. Крупная, статная, античная... Вроде Айседоры, но лет на двадцать моложе. Волосы цвета воробьиного крыла. Впоследствии Есенин в стихах позолотил их».

В феврале 1923 года Камерный театр отправился в длительную гастрольную поездку за рубеж. Миклашевская осталась в Москве, поскольку некому было присматривать за ее пятилетним сыном. Во время знакомства с Есениным она уже не служила в Камерном театре, а выступала на эстраде, в кабаре «Не рыдай», в театре «Острые углы» и т. п. После возвращения Камерного театра она продолжала играть на различных московских и провинциальных сценах и вернулась в родной театр лишь в 1943. «О моих затруднениях Есенин ничего не знал. Я зарабатывала концертами», – скажет она позднее, когда в 1960 году возьмется за написание воспоминаний...

С Есениным Миклашевскую познакомила все та же Никритина (тоже не поехавшая с театром за границу, потому что туда отказывались взять Мариенгофа). Вот как вспоминала об этом сама Августа Леонидовна: «Мы встретили поэта на улице Горького (тогда Тверской). Он шел быстро, бледный, сосредоточенный... Сказал: “Иду мыть голову. Вызывают в Кремль”. У него были красивые волосы — пышные, золотые... На меня он почти не взглянул».

Зато взглянул при второй встрече. А дальше... «В один из вечеров Есенин повез меня в мастерскую Коненкова. Обрато шли пешком... Он был счастлив, что вернулся домой,

в Россию. Радовался всему, как ребенок... Целый месяц мы встречались ежедневно. Очень много бродили по Москве, ездили за город и там подолгу гуляли. Была ранняя золотая осень. Под ногами шуршали желтые листья...

— Я с вами, как гимназист... — тихо, с удивлением говорил мне Есенин и улыбался.

Часто встречались в кафе поэтов “Стойло Пегаса”, на Тверской, сидели вдвоем, тихо разговаривали. Есенин трезвый был очень застенчив. На людях он почти никогда не ел. Прятал руки, они казались ему некрасивыми. Много говорилось о его грубости с женщинами. Но я ни разу не почувствовала и намека на грубость».

Их общие знакомые потом вспоминали, как в «Стойле Пегаса» отмечалась в дружеском кругу «помолвка» поэта и актрисы. Журналист О. Литовский рассказывал: «Теплая, тихая, даже в городе золотистая ранняя осень. Очень скромно одетый, какой-то умиротворенный, непривычно спокойный Есенин и Миклашевская под тонкой синеватой вуалью — зрелище блоковское. Они приходили почти каждый день. Миклашевская беседовала с женой, а Есенин сидел тихо, молча, следя глазами за каждым движением Миклашевской... Счастливы друзья, видевшие Есенина в эту пору его последней, осенней любви. Она бросает как бы отсвет на всю последующую лирику Есенина».

Первые стихи, посвященные Миклашевской и составившие впоследствии цикл «Любовь хулигана», были напечатаны в «Красной ниве»:

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь — как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.

«Есенин позвонил мне и с журналом ждал меня в кафе, — писала в своих воспоминаниях Августа Леонидовна. — Я опоздала на час, задержалась на работе. Когда я пришла, он впервые при мне был нетрезв. И впервые при мне был скандал.

Есенин торжественно подал мне журнал. Мы сели. За соседним столом что-то громко сказали по поводу нас. Поэт вскочил. Человек в кожаной куртке схватился за наган. К удовольствию окружающих, начался скандал...

Казалось, с каждым выкриком Есенин все больше пьянел. Вдруг появилась сестра его Катя. Мы обе взяли его за руки. Он посмотрел нам в глаза и улыбнулся. Мы увезли его и уложили в постель. Я была очень расстроена. Да что там! Есенин спал, а я сидела над ним и плакала. Мариенгоф “утешал” меня:

— Эх вы, гимназистка! Вообразили, что сможете его переделать! Это ему не нужно!»

Сдержанная, ни слова не говорящая в воспоминаниях о своих собственных чувствах к поэту, Августа Миклашевская с неприязнью пишет о так называемых «друзьях» Есенина, к которым принадлежали прежде всего Клычков и Мариенгоф. «И опять было непонятно, что было общего у них... Такие они оба были не настоящие. И оба они почему-то покровительственно поучали Сергея, хотя он был неизмеримо глубже, умнее их. Клюев опять говорил, что стихи Есенина сейчас никому не нужны. Это было самым страшным, самым тяжелым для Сергея, и все-таки Клюев продолжал твердить о ненужности его поэзии. Договорился до того, что, мол, Есенину остается только застрелиться. После встречи со мной Клюев долго уговаривал Есенина вернуться к Дункан».

Роман актрисы и поэта сразу стал известен в писательских кругах. Однажды вечером к Миклашевской заявился Маяковский, который был в гостях у ее соседей и зашел к ней «позвонить по телефону». «Вы Миклашевская?» — спросил он. Актриса ответила утвердительно. «Встаньте, я хочу посмотреть на вас», — бесцеремонно сказал Владимир Влади-

мирович. Августа Леонидовна выполнила его просьбу. «Да...» — глубокомысленно молвил Маяковский. Поговорив с ней о театре, он удалился, так и не притронувшись к телефонному аппарату. Вторая их встреча состоялась в театре. В антракте на каком-то спектакле трибун революции подошел к актрисе с неделикатным признанием: «Дома вы гораздо интересней. А так я бы мог пройти и не заметить вас».

Как развивался роман Есенина с актрисой и дошло ли дело до чего-то серьезного, никому не ведомо. Одно очевидно: увлечение поэта постепенно сходило на нет, его стали интересовать другие женщины, которых всегда было предостаточно в его жизни. Только не ко всякой испытывал он столь трепетное чувство...

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И, чтоб прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Довелось Миклашевской увидеть и Дункан, разрыв с которой у Есенина произошел давно. Любопытная Айседора сама приехала к кому-то в гости, когда узнала, что там находится известная актриса, завоевавшая сердце ее «золотоволосого мальчика». Поразив Августу Леонидовну своим вычурным нарядом, она стала выговаривать ей: «Есенин в больнице, вы должны носить ему фрукты, цветы!..»

Последний раз она увидела поэта, когда тот зашел к ней домой во время болезни ее сынишки. Актриса сидела у кровати больного ребенка и читала ему книжку. Есенин тихонько сел в кресло и зашептал: «Я не буду мешать...» Просидев довольно долго, он встал, подошел к матери с сыном и сказал шепотом: «Вот все, что мне нужно». Затем вышел...

Существует и другое ее признание: «Перед самым отъездом в Ленинград, 23 декабря 1925 г., он пришел ко мне. Предложил начать новую жизнь. Я обещала подумать. Написала ему письмо. Но не отправила. А вскоре пришла страшная весть...»

Предложение поэта о начале новой жизни было не случайным: к тому времени он решил окончательно расстаться с очередной женой, Софьей Толстой.

«О смерти Есенина мне позвонили по телефону, – рассказывала Миклашевская. – Всю ночь мне казалось, что он тихо сидит у меня в кресле, как в последний раз сидел... Когда я шла за закрытым гробом, казалось, одно желание было у меня — увидеть его волосы, погладить их. И когда потом я увидела вместо его красивых, пышных, золотых волос прямые, гладко причесанные, потемневшие от глицерина волосы (смазали, снимая маску), мне стало его безгранично жалко. Есенин был похож на измученного, больного ребенка...»

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?

Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог —
Сумасшедшее сердце поэта.